

что именно столько составляют все кредиты провинции по нашим данным от показателя «все кредиты провинции плюс портфели ценных бумаг» у Гиндина).

⁷ Сводки Гиндина сделаны именно в 1920-е гг.: *Гиндин С. И.* Первый круг судьбы Иосифа Фроловича Гиндина // *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.): Очерки истории и типологии русских банков: Избранное. М., 1997. С. 12–38.

⁸ *Саломатина С. А., Тужилина Е. Д.* Банк «для своих»: Московское отделение Русско-Китайского банка в 1897–1899 гг. // *Экономическая история.* 2016. № 4. С. 47–62.

⁹ *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. С. 386.

¹⁰ Список экономико-географических районов и входящих в них губерний см.: *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 182–184.

П. В. Лизунов

КРАХ БАНКИРСКОГО ДОМА «А. И. ЗЕЙДМАН И К^о» В ПЕТЕРБУРГЕ

В период экономического подъема 1909–1913 гг. в Петербурге появилось более десятка новых банкирских заведений. Их владельцами были А. И. Зейдман, А. П. Киреев, М. К. Коровко, А. П. Кропотов, М. А. Левин, С. Ф. Петровский, И. А. Сивко, К. А. Толстопятов и др. — люди разные по своему происхождению, прошлому, своим моральным и нравственным принципам. Наиболее амбициозным из «новых петербургских банкиров» был учредитель и полный товарищ банкирского дома «А. И. Зейдман и К^о» — Август Иванович Зейдман (1870/71–?).

Происходил Зейдман из крестьян Лифляндской губернии, Венденского уезда, Ново-Ронненбургской волости (округа). С 1898 по 1899 г. он занимал должность канцелярского служителя (письмоводителя) в Рижском окружном суде, где прослужил недолго¹ и был уволен за взяточничество. С «волчьим паспортом» он не имел права поступить на какую-либо другую службу. Вскоре на доме № 9 по Дерптской ул. в Риге, где проживал Зейдман, рядом с вывеской «Школа кройки и шитья», которую содержала его супруга Эмма Федоровна, появилась еще одна — «Кухмистерская и школа поварского искусства А. Зейдмана». Лица, близко знавшие его в то время, рассказывали, что он занимался и другими «делами», называя их «комиссионерскими»². Еще в Риге Зейдман становится агентом одной русской фирмы, занимавшейся «устройством» медалей и всяческих наград экспонатам разных выставок. В 1905 г. он организует в Петербурге собственное «бюро по устройству медалей и наград на выставках»³. Себя он именовал главноуполномоченным Комитета имперских и международных выставок. Когда в Министерстве торговли и промышленности были получены официальные донесения о неблагоприятной деятельности Зейдмана, то было проведено расследование, закончившееся скандалом.

Едва в Петербурге улегся шум по поводу «выставочных афер» Зейдмана, он поступил на службу в банкирскую контору З. П. Жданова. Около года

Зейдман проработал в отделении срочных денежных ссуд и рассрочки. Его уход из банка носил такой же скандальный характер, как и история с медалями. В конторе Жданова Зейдман был уличен в похищении адресов провинциальных клиентов, с которыми он завел переписку, предлагая вести их дела помимо конторы. Чтобы скрыть следы преступления, он стал писать Жданову анонимные письма, в которых излагал подробности своей «деятельности», а кражу адресов свалил на разных служащих конторы. Этот обман легко раскрылся и служащие, начиная чуть ли не со швейцара и до занимавших высшие должности в банковской конторе, подали Жданову коллективное заявление об удалении Зейдмана из конторы.

Уяснив деятельность банковской конторы Жданова, Зейдман решил заняться «гравлей» своего бывшего хозяина. Весной 1910 г. он стал издавать «Биржевой ежемесячник», в июньском номере которого была напечатана переписка некоего «недовольного онколиста» с банковским домом Жданова⁴. Она представляла собой явный выпад против его владельца. До публикации шантажной переписки Зейдман отправил все письма Жданову для «исправления» или «возражения». Об этом он сам «с наивным цинизмом» уведомил читателей, умолчав лишь о содержании своей сопроводительной записки шантажного характера. Жданов вернул все обратно без исправлений и без «приложения» откупных за неопубликование писем. Поэтому переписка стала достоянием гласности⁵.

В 1911 г. к «Биржевому ежемесячнику» Зейдман добавил еще еженедельный финансово-экономический журнал «Биржа». «Биржевой ежемесячник» стал его отдельным приложением. В рекламных проспектах издание позиционировалось как единственный орган печати, освещающий всесторонне и с возможной точностью все проявления биржевой жизни страны, и потому необходимый каждому капиталисту и лицу, оперирующему на бирже, а также кредитным учреждениям. На страницах этих двух изданий рекламировались некоторые биржевые бумаги, не имевшие особого спроса на бирже, но в которых был заинтересован Зейдман. Например, в них пропагандировались мало кому известные акции «Товарищества Холодильных вагонов» или рекомендовалось «в виду хороших перспектив» приобретать акции «Нефтяного Кавказа» и др.⁶ Значительный доход приносила Зейдману реклама, печатавшаяся на страницах его изданий.

Редакция журнала «Биржевой ежемесячник» располагалась сначала по адресу Сергиевская ул., 58, потом — Мойка, 12. Здесь к ней добавилась редакция журнала «Биржа». Редактором-издателем обоих являлся сам Зейдман.

В октябре 1910 г. Зейдман учреждает банковский дом, разместившийся также в доме на Мойке. Для его открытия в соответствии со статьей 134 Устава кредитного (Т. XI, ч. II) Зейдман подал на имя петербургского градоначальника Д. В. Драчевского прошение с просьбой об учреждении банковской конторы, приложив программу предполагаемых банковских операций и будущий адрес. Из канцелярии градоначальника поступил запрос в полицейский участок по месту жительства Зейдмана с поручением негласно собрать и доставить сведения о его поведении, занятиях, подвергался ли он судебному наказа-

нию, не состоял ли под надзором полиции и пр. Аналогичные запросы были отправлены в Отделение по охране общественной безопасности и порядка и в Управление сыскной полиции. Затем прошение Зейдмана было переправлено в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов для окончательного решения.

Полицейский пристав 1-го участка Казанской части на запрос сообщил, что «39-летний купец... Зейдман поведения одобрительного, обладает капиталом 40 тыс. руб., женат, имеет двух малолетних детей»⁷. Никаких сведений, порочивших репутацию Зейдмана, в предоставленных справках не содержалось.

В первом заявлении об открытии банкирского дома Зейдман указал в качестве планируемого название «Биржевой банкирский дом А. И. Зейдман и К^о», но был вынужден согласиться с замечанием Особенной канцелярии и изменить название на «Банкирский дом А. И. Зейдман и К^о».

Среди объявленных операций банкирского дома Зейдманом были указаны прием вкладов на срок и до востребования, открытие простых и условных текущих счетов, выкуп процентных и дивидендных бумаг из кредитных учреждений, выдача ссуд под все биржевые ценности, торговые счета «on call», продажа выигрышных билетов всех трех займов, страхование их от тиражей погашения, покупка и продажа процентных и дивидендных бумаг как за свой счет, так и по поручению третьих лиц, прием на хранение ценных бумаг и управление ими, обмен купонов и учет векселей⁸.

Для создания банкирского дома Зейдман решил учредить «товарищество на вере», для чего заключил с некоторыми подписчиками журнала «Биржа» договор⁹. Чтобы придать некоторую солидность, Зейдман привлек в товарищество в качестве участников ряд занимающих определенное социальное положение лиц. Сам он был «единственным полным товарищем», а вкладчиками он «включил» генерал-лейтенанта П. О. Папентута, генерал-майора В. А. Гросмана, гвардии штабс-капитана И. М. Мешмеера, потомственного дворянина Г. А. Григоркова и собственную супругу Э. Ф. Зейдман.

18 октября 1910 г. состоялось первое общее собрание товарищества, на котором присутствовали 57 вкладчиков. Собрание постановило открыть банкирский дом с 3 января 1911 г.¹⁰ Первоначальный капитал составлял 50 тыс. руб., из которых 39,5 тыс. руб. принадлежали полным товарищам и 10,5 тыс. руб. — вкладчикам. В большинстве своем это были военные, чиновники Министерства иностранных дел, Министерства финансов и других ведомств.

Банкирский дом его основателем был провозглашен как «учреждение нового типа» кооперативного кредита, в котором отсутствовал «извечный антагонизм между «онколистами» и банкирами, сменившийся на их полное согласие». Особенности, «резко отличавшие его от других банков и банкирских домов», по уверению Зейдмана, состояли в следующем. Во-первых, все должности, по возможности, замещались самими пайщиками. Во-вторых, процент по онкольному счету установлен был «в наинизшем размере» — 7,5 %, тогда как другие банкирские учреждения брали 8,5 % и более. При этом маклерский куртаж не взимался вовсе. В-третьих, процентные и дивидендные бумаги принимались на управление и хранение не только бесплатно, но даже с приплатой

клиентам небольшого процента к купону. В-четвертых, вкладчики бесплатно получали еженедельный журнал «Биржа» со всеми приложениями. В-пятых, к экзекуционным продажам и принудительному закрытию счетов клиентов банкирский дом прибегал лишь в исключительных случаях, пайщикам же счета закрывались только по мотивированному постановлению Совета банкирского дома. В-шестых, пайщикам товарищества предоставлялось право вступить в «Общий онкольный счет» — кружок онколистов, образованный для совместного ведения биржевых операций, в которых банкирский дом не принимал никакого участия, выполняя лишь механические приказы от «комитета общего счета». Главная же особенность «Банкирского дома А. И. Зейдман и К^о» заключалась в том, что все операции основывались на «началах широкой гласности»: ежемесячной публикации балансов, наличии Ревизионной комиссии из числа пайщиков, свободном доступе всех пайщиков к бухгалтерским книгам и пр.¹¹

Банкирский дом «А. И. Зейдман и К^о» развивался быстрыми темпами, широко и смело совершал биржевые спекуляции и в течение первых двух лет имел значительный успех. При постоянной повышательной тенденции на бирже в 1912 г. он увеличил годовой оборот до 40–44 млн руб., а число пайщиков — до 250 человек. В 1913 г. число пайщиков банкирского дома выросло до 600 человек при 257 тыс. руб. основного капитала. Открытых и действующих онкольных счетов было 967, штат служащих составлял 70 человек. Доходность журнала «Биржа» составляла 1 тыс. руб. в месяц. За исключением всех расходов оборот по операциям банкирского дома в 1913 г. достиг 48 млн руб., за три первых месяца 1914 г. — 15 млн руб.¹²

Контора банкирского дома вместе с редакцией журналов «Биржевой ежемесячник» и «Биржа», издаваемых Зейдманом, в январе 1913 г. переехали в престижное и роскошное здание на Невском проспекте, 21 (дом Мертенса). На втором этаже здания расположился операционный зал, разделенный во всю длину высоким резным дубовым барьером на две равные части. За барьером стояли конторки и столы служащих банкирского дома. Остальную часть этажа занимал зал с панорамным видом на Невский проспект для публики и кабинеты дежурных членов правления. Здесь также были помещения для заседаний Совета и кабинет председателя правления. К услугам публики было установлено несколько телефонных аппаратов. Операционный зал был соединен внутренней лестницей с третьим этажом, где помещались акционерно-справочное бюро, бухгалтерия, редакция журналов «Биржа» и «Биржевой ежемесячник»¹³. Помещение в доме Мертенса было снято на 10 лет, стоимость аренды составляло 16,5 тыс. руб. в год¹⁴.

Зейдман умело рекламировал свои предприятия. Когда банкирская контора находилась на Мойке, 12 Зейдман в рассылаемых проспектах, рассчитанных на провинциальных клиентов, сообщал, что банкирский дом помещается в бывшем «дворце Бирона» или в доме, «где жил поэт А. С. Пушкин». Когда контора обосновалась в новом здании на Невском проспекте, Зейдман выпустил юбилейный номер журнала «Биржа», в котором поместил фотографию здания «Банкирского дома А. И. Зейдман и К^о». Сделано это было так, чтобы у провинциального читателя создалось впечатление,

что не только два этажа — второй и третий, заняты банкирским домом, а все здание принадлежит ему¹⁵.

Кроме переезда в новое здание на Невском, в первой половине сентября 1913 г. в Москве на Ильинке, напротив Московской биржи, в доме Петербургского международного коммерческого банка было открыто отделение «Банкирского дома А. И. Зейдман и К^о». Управляющим московского отделения был назначен В. П. Сперанский, главным бухгалтером — И. Я. Якушев.

Среди оценок личности Зейдмана встречаются совершенно различные, даже диаметрально противоположные: от афериста и авантюриста до человека «огромных способностей, таланта и подвижности», лица «с прочно установившейся репутацией делового и серьезного биржевого деятеля». Некий Г. К. Фишер на страницах журнала «Банки и биржа» полагал, что «пока во главе банкирского дома стоит А. И. Зейдман... до тех пор можно быть спокойным за дальнейший рост предприятия»¹⁶.

Однако в конце 1913 — начале 1914 г. у «Банкирского дома А. И. Зейдман и К^о» возникли значительные трудности. В целях улучшения положения и привлечения новых вкладчиков, Зейдман в 1913 г. опубликовал отчет своего банкирского дома. Хотя предприятие уже было близко к банкротству, Зейдман сумел так «составить» отчет, что дивиденд на 100-рублевый пай исчислялся в 18 руб.¹⁷

Причин несостоятельности банкирского дома Зейдмана было много. Главной причиной прекращения дел стало сильное понижение курсов ценных бумаг на бирже. В портфеле банкирского дома были преимущественно такие ценности как барановские, глухоозерские, золотопромышленные, ленские, никополь-мариупольские и др., которые сильно упали в цене. Чтобы спасти банк Зейдман прибегал к различным способам. Но это были меры временные и малоэффективные. Роковую роль в печальном положении зейдмановского предприятия сыграли акции «Нефтяного Кавказа», на которых спекулировал банкирский дом и его клиенты. В середине марта 1913 г. они опустились с 340 до 275 руб., а 18 марта — до 262 руб.¹⁸

По предварительным данным убытки достигали внушительной цифры в несколько сот тысяч рублей. Перед этим крахом, как писали в газетах, «бледнели толстопятовские дела» и «совершенно стухевывается по сравнению с Зейдманом отныне “маленький” Коровко»¹⁹.

В первой половине мая 1914 г. окончательно выяснилось, что банкирский дом «А. И. Зейдман и К^о» разорился. При таком положении дел у Зейдмана оставался только один выход — во исполнение 116–136 статей X раздела Устава кредитного объявить о несостоятельности своего банкирского дома. Однако появились «спасители банка», которые обязались принять на себя весь актив и пассив банкирского дома.

В день первого общего собрания пайщиков 10 мая при первоначальном обсуждении вопроса о передаче предприятия в руки финансовой группы, представителями которой являлись А. Ф. Филиппов и И. О. Шатиль, положение банкирского дома было представлено совершенно в ином свете и оценке, чем те, какими они являлись на самом деле. Зейдман публично заявил о том,

что для удовлетворения кредиторов потребуется не более 50 тыс. руб. и что для дальнейшего продолжения операций банкирский дом нуждается не более чем в 100 тыс. руб. наличности. Он уверял, что есть договор с одним из петербургских банков на выдачу оборотных средств первоначально в сумме 250 тыс. руб. Но через два дня оказалось, что сумма претензий гораздо больше и что банкирский дом не пользуется ни в одном из банков кредитом и даже доверием, что уже неоднократно с декабря 1913 г. по май 1914 г. возникали требования дополнительного обеспечения по онкольным счетам, которые банкирский дом был не в состоянии выполнить. В дни майского падения биржи произошли экзекуционные продажи бумаг и банкирский дом понес огромные убытки. Общие собрания пайщиков и кредиторов происходили 12, 20 и 23 мая.

27 мая 1914 г. в 12 часов дня состоялось очередное собрание пайщиков банкирского дома «А. И. Зейдман и К^о», на котором присутствовало 103 человека со 1388 голосами. Собрание затянулось до 8 часов вечера и прошло весьма бурно. Выяснилось, что сумма задолженности банкирского дома простирается до 400 тыс. руб. Появление Зейдмана было встречено свистом и шиканьем. Некоторые из присутствовавших потребовали немедленно признать Зейдмана суду. Против этого, однако, высказалось большинство пайщиков. В результате голосования 97 голосами против 6 была принята резолюция: «Отстранить от участия в товариществе А. И. Зейдмана, не предъявляя к нему никаких обвинений». Общее собрание избрало администратором Филиппова. Некоторые банки, имевшие отношения с Филипповым, внесли в кассу банкирского дома 26 тыс. руб. для уплаты кредиторам. Вторым администратором был избран Шатиль, внесший в распоряжение банкирского дома 100 тыс. руб.²⁰ Вечером того же дня состоялось собрание кредиторов, которые после обсуждения согласились с решением, вынесенным собранием пайщиков. Не взирая на огромные потери, общее собрание пайщиков и кредиторов постановило продолжить дело и списать в убыток весь основной и запасной капиталы в сумме 237 660 руб. и погасить 163 477 руб. из прибылей последующих лет.

Зейдман, обозначив своим правопреемником Филиппова и передав ему дела, вышел из товарищества и никакого участия ни в нем, ни в его управлении не принимал, не состоял более ни редактором, ни издателем журналов «Биржа» и «Биржевой ежемесечник». При этом Зейдман не спешил дать свою подпись для производства банковских текущих операций, не отвечал на телефонные звонки и почтовые извещения. Более того, по расследованию ревизионной комиссии оказалось, что в бухгалтерских книгах имелись онкольные счета некоего Н. Судейкина, которые принадлежали лично Зейдману. По ним убыток превышал 180 тыс. руб., по таким же онкольным счетам других членов правления было причинено ущерба до 80 тыс. руб.²¹

Превращение Филиппова в «банкира» дало повод для разных нелестных сравнений его нового положения. Писали о том, что он «юрист по образованию, журналист по профессии, человек “неограниченного” размаха пера, но весьма “ограниченный в материальных средствах”... “попал как кур во щи” в “банкирское дело”»²². Пытаясь найти выход из создавшегося положения Филиппов сократил штат сотрудников, экономил на расходах, обращался за

поддержкой к разным банкам и людям. По слухам, приводимым в прессе, он даже вел переговоры с Г. Е. Распутиным, который «не прочь был вступить крупным пайщиком»²³. Однако все попытки Филиппова оказались тщетными и в июле 1914 г. банкирский дом был окончательно закрыт.

Чрезвычайное собрание пайщиков товарищества на вере «Банкирский дом А. И. Зейдман и К^о», состоявшееся 12 и 14 июля 1914 г., постановило для прекращения его действий избрать «Ликвидационную комиссию» в составе И. Н. Балуева, Л. Ц. Бялоблочкого, В. А. Гросмана, Ц. С. Крайза и К. П. Мультино²⁴.

7 августа 1914 г. Петроградский коммерческий суд объявил о несостоятельности банкирского дома, задолженность которого определялась в 500 тыс. руб. Одновременно Коммерческий суд постановил подвергнуть личному задержанию А. И. Зейдмана. Он был арестован на своей вилле «Дубы» в Коломягах и отправлен в долговую тюрьму²⁵.

Несомненно, судьба банкирского дома «А. И. Зейдман и К^о» заняла особое место в перечне банкротств российских кредитных учреждений начала XX в. Пресса долго обсуждала этот крах, пока не произошло событие, затмившее и заставившее забыть его — Первая мировая война. История краха легла в основу известного романа Вас. Ив. Немировича-Данченко «Банкирский дом (Нравы нашей буржуазии)», который к 1919 г. выдержал пять изданий и несколько раз переиздавался в последующие годы.

Примечания

¹ Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1898 год. Рига, 1898. С. 98.

² С.-Петербургский биржевой день. 1914. 20 марта. С. 3.

³ Там же. 14 марта. С. 3.

⁴ Биржевой ежемесячник. 1910. № 6. С. 20–28.

⁵ Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1910. № 6. С. 12.

⁶ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 15 марта. С. 3; *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. — 1914 г. М., 1984. С. 115.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 1854. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. 18–18 об., 19.

⁹ Краткие сведения об образовании товарищества «Банкирский дом А. И. Зейдман и К^о» и правила его операций. СПб., 1913.

¹⁰ РГИА. Ф. 1352. Оп. 23. Д. 271. Л. 30 об., Л. 36.

¹¹ Биржа. 1913. № 34 (25 авг.). С. 4–5; РГИА. Ф. 1352. Оп. 23. Д. 271. Л. 36.

¹² Биржа за неделю. 1915. № 35/36. С. 4.

¹³ Биржа. 1913. № 34 (25 авг.). С. 6; РГИА. Ф. 1352. Оп. 23. Д. 271. Л. 36.

¹⁴ Биржа за неделю. 1915. № 35/36. С. 4.

¹⁵ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 15 марта. С. 3.

¹⁶ Банки и биржа. 1913. № 9. С. 7–8.

¹⁷ РГИА. Ф. 1352. Оп. 23. Д. 271. Л. 61–74.

¹⁸ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 14 марта. С. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 276. Л. 14–14 об.

²¹ Извлечения из доклада к общему чрезвычайному собранию пайщиков банковского дома «А. И. Зейдман и К^о» // Биржа за неделю. 1914. № 2. С. 4–5.

²² «Историческая» страница из жизни банковского дома «А. И. Зейдман и К^о» // Биржа за неделю. 1914. № 3. С. 3. Подпись: Alter ego.

²³ Биржа за неделю. 1914. № 1. С. 2.

²⁴ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 276. Л. 21–22 об.

²⁵ Достойный конец // Биржа за неделю. 1914. № 5/6. С. 2. Подпись: Ю—и С.

В. В. Морозан

КРЕДИТНАЯ ИСТОРИЯ СТОЛИЧНЫХ БАНКОВСКИХ ЗАВЕДЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В 1896–1914 гг.

Отечественная историография богата исследованиями по банковскому делу императорской России. Интерес к этой сфере экономической деятельности стал проявляться еще в XIX в. Вместе с тем, в российской литературе мало работ по истории отдельных кредитных учреждений, в том числе и о деятельности Санкт-Петербургской конторы Государственного банка. В настоящее время нет ни одной комплексной работы по истории этого учреждения. Между тем оно играло важнейшую роль на денежном рынке столицы. В особенности интересен круг тех фирм и отдельных предпринимателей, которые пользовались услугами этого ключевого филиала главного банка страны. Настоящая работа в некоторой степени раскрывает эту тему, позволяя понять как клиентура конторы пользовалась денежными ресурсами этого заведения. При написании статьи автор использовал отдельные сведения из текущих счетов банковских заведений Петербурга, обнаруженных им среди документов столичной конторы Государственного банка (ф. 588 РГИА). Примечательно, что такие архивные документы крайне редко используются исследователями. Таким образом, выбранная тема в целом остается еще слабо разработанной, а основные источники по ней практически не исследованы.

С учреждением в 1894 г. в Петербурге своей новой конторы, Государственному банку не было необходимости организовывать коммерческие операции с «чистого листа». К 1894 г. это кредитное заведение уже накопило значительный опыт ведения дел в столице империи. Таким образом, создавая новое структурное подразделение его руководству оставалось лишь выделить из общего штата банка нужное количество чиновников и служащих, а также передать им уже имевшуюся клиентуру. Конечно, существовали отличия в организации ведения коммерческих операций до и после сентября 1894 г. До открытия Санкт-Петербургской конторы у банка не было никаких определенных правил в этой сфере деятельности. Операции производились не только специальными для этого отделениями Госбанка, но и главным контролем, главной бухгалтерией и канцелярией этого учреждения. После 1 сентября 1894 г. все операционные отделения банка в Петербурге вошли в состав вновь образо-